

К. М. ОЛЬХОВИКОВ

г. Екатеринбург, УрФУ

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ ЭТИЧЕСКОГО

Тема этического получает новый поворот в свете вопросов статуса социальной структуры. Методологические основания открытого общества не выдерживают критики с позиций морального консерватизма.

Этическое, социальное, структура, моральный консерватизм

K. M. OLHOVIKOV

THE SOCIAL BODERS OF THE ETHICAL THEME

The ethical theme acquires a new turn in the light of questioning social structure status. Open society has no reliable methodological grounds to counterfeit moral conservative critique.

Ethical, social, structure, moral conservatism

Морализм остается незаменимым ресурсом социального познания и управления. Но сфера этического существенно уже, и ее неопределенность взаимосвязана с необратимостью социальных процессов. Допустимость стала не только прагматическим, но и последним рубежом нравственности в третьем тысячелетии. Человеческое находится на грани социальности.

Социальное разграничение выражает, в свою очередь, основной смысл цивилизационного изменения. Любая теоретическая парадигма изменения социальной структуры противоречива, и эта противоречивость не может быть представлена рационально. Будь то холистическая идея структурного функционализма, будь то диалектическая фикция социального конфликта, или эпифеномен социального действия, периодически окрашенный в тона символических взаимодействий.

В основе базисных сдвигов социальной регуляции оказываются свойства разграничений, доминирующих на повестке дня общественных мнений. Эта

рыхлая конфигурация является по сути прототипом социальной объективации, не имеющей ничего общего ни с процессом, ни со структурой. Дело даже не в том, что абсолютному большинству человечества просто нечего сказать. Процессы структурирования никогда не имеют оригинальной основы и никогда не предполагают точки насыщения тех потребностей, которым они демонстративно соответствуют.

Спонтанность социальной регуляции не следует понимать наивно генетически, или как синоним постоянного рождения. В основе независимых этических значений оказывается, как правило, мало устоявшаяся конфигурация социальных стереотипов, еще не остановившихся в своем движении от реакции на ситуацию к распаду. Мораль как таковая не лучше и не хуже права с его фикциями и физическими противоречиями применения. Более того, мораль не лучше и не хуже приватизировавших ее религий. Религиозное как таковое находится за гранью морального, но не в силах отказаться от морали, представляющей точку ее прагматической востребованности.

Актуально этическое ограничено социальными измерениями полураспада. Идентичность – ценность – норма не имеет никакого значения вне диффузных и противоречивых наборов санкций. Санкционирование замыкает в себе набор формальных условий этического как способа рационализации и рациональной репрезентации морального. Этическое вполне не является моральным, будучи формой социального знания.

Первичные социальные институты прекрасно подтверждают диффузию процессов, в которых ни точка происхождения, ни финальный смысл не являются внятно определяемыми – первые по причине забвения, вторые – по причине отсутствия. Сегодня только очень ленивый не говорил о кризисе семьи. Но парный брак и некоторая окружающая его территория, связанная с первичной социализацией детей пребывают вне подозрения относительно их скорейшего устранения из опыта человеческой жизни. Полураспад – метафора рейтинга, престижности, узнаваемости социальной регуляции. Мораль,

препарированная этически, весьма уютно встраивается в кризисные процессы первичных социальных институтов.

Но вот что достойно особого внимания в этом море разграничений и оговорок применительно к ситуации времени. Консервативная точка зрения на процессы взаимоотношений этического и социального не имеет оправданий в этической традиции и превосходно игнорируется в современной социальной теории. Метафора Карла Поппера относительно морального релятивизма как исходного смысла консерватизма, модернизма, футуризма оказалась безличным стереотипом социального восприятия в последние 70 лет.

Эта абстрактная модель не является единственно возможной, а в силу ее превращения в стереотип, вполне агрессивно некорректна. Покажем ее основные упущения на уровне логическом, моральном, прагматическом.

Логически, уравнивание консерватизма с модернизмом и футуризмом как формами релятивизма содержит ошибку излишнего обобщения. В этой формуле не учитывается базисный постулат всякого последовательного консерватизма как отрицания существенных изменений. И даже если речь идет об элейских апориях, мы не можем по аналогии с этими апориями рассматривать любой консерватизм как убежденный в виртуальности собственных утверждений и представляющего собой формулу активистского осуждения «подлинных» изменений и оправдания противостояния им.

Далее, также логически спорна процедура практически полного отождествления консерватизма с интеллектуальным заговором против открытого общества. Консерватизм вообще становится клеймом заговорщиков, стремящихся обратить ход цивилизации от абстрактных идеалов не устоявшегося вполне и частичного, по сути, открытого общества и вернуть человечество вспять к закрытому обществу. А почему бы не рассматривать этику научного открытия, основанную на тезисе допустимости признания собственной неправоты перед лицом неопровержимых аргументов, как подлинное выражение интеллектуального консерватизма, приверженности абсолютному авторитету мышления?

Также очевидно нарушены принципы корректной логической аргументации в противопоставлении «наивного монизма» и «критического дуализма фактов и решений». Так называемый наивный монизм вполне выражает когнитивную установку человеческого понимания, когда переживание стремится к гармонической целостности. Это же бессознательное понимание живого служит основанием морали как таковой. И эта же наивно монистическая метафора вполне выводит нас на евангельскую этику и этику научного познания в равной степени. В свою очередь, так называемый критический дуализм фактов и решений является ничем иным как формулой предельного релятивизма по своей сути, поскольку любые тиранические суждения вполне выражают возможности такого расслоения субъективного целеполагания.

Моральные ресурсы осуждения этического консерватизма средствами критического рационализма также оставляют желать большей корректности. Прежде всего, желание инкорпорировать социально-этическую императивность логики классовой борьбы в число фрагментарных проявлений целостной человеческой природы, по сути, является формулой уравнивания марксизма и платонизма. Любой вопрос, адресованный морализму, должен, в рамках такой логики, бумерангом возвратиться к моральному консерватизму. Но так ли непотопляем позыв социальной этики к справедливости? Любая аргументация справедливости оборачивается более или менее последовательным опустошением актуального для данной культурной эпохи ряда моральных понятий. Критический рационализм в данном вопросе фактически разделяет позицию позитивизма О. Конта, но выводит аргументацию этой позиции из узкого коридора противостояния эмпиризма и рационализма. Критический рационализм выражает этический горизонт позитивизма.

Современные российские поиски национальной идеи вполне органично выражают наиболее жесткую формулу критического рационализма Карла Поппера, которого в конце советских времен частенько называли «морализирующим антикоммунистом». Это реконструкция в духе розничной

социальной инженерии, руководствующаяся абстрактным образом социальности, но пребывающая в границах критического дуализма фактов и решений. Чего только стоит перепалка с оппозицией. При этом позиционирующая себя в качестве интеллектуальной оппозиция демонстрирует худшую форму взаимопонимания с властью – в духе критического рационализма.

Регуляция поведения – это не набор равнозначных проблем, а сфера явлений, которая обнаруживает свою стабильность посредством проблемы, доминирующей в духовной ситуации времени. Поведение – граница социальных и не социальных фактов в человеке. Выражаясь языком Т. Парсонса, это организм, подсистема адаптации внутри социальной системы в целом и на «нижних» границах выживания. Функциональная парадигма поведения предельно проста, фактически можно представить бихевиоризм и этическую автономию в качестве двух крайних случаев выведения из общего идеального типа, очерченного теорией действия.

Предположение о ясном понимании самого устройства морали часто использовалось социологами для объяснения общества в целом. Вот как это формулировал Т. Парсонс: «В любой конкретной социальной системе реально существует система ранжирования в терминах моральной оценки. Но это в некотором смысле предполагает наличие интегрированного ряда стандартов, согласно которым даются или должны даваться оценки. Поскольку ряд стандартов образует нормативную модель, то фактически существующая система не будет точно совпадать с этой моделью. Фактическая система отношений иерархии в той мере, в какой она опирается на моральные санкции, может быть, таким образом, названа системой социальной стратификации. Так как шкала социальной стратификации представляет собой упорядоченную структуру, образуемую моральным авторитетом, интегрированным с точки зрения общепринятых нравственных чувств, она тем самым является частью институциональной структуры социальной системы» [1. С. 357]. Мораль – ключ к социальным институтам и структурам их регуляции.

Это высвечивает в общей функциональной постановке проблематики поведения следующие шаги возможного методологического выбора. Поведение по-разному, но одновременно, имеет две окружающие среды: социальную в целом, структурируемую на личность, социум, культуру, и среду, окружающую по отношению к социальной в целом, но относительно не структурированную социально. Общее соотношение уровней сложности и вариативности этих двух внешних сред определяется возможностью выживания общества (популяции) и реализуется через особенности поведенческих структур, через модели успешного поведения.

В любом случае возникает вопрос различения внутреннего и внешнего уже внутри поведенческой подсистемы. Эта иерархия сложностей не выводится дедуктивно и не воссоздается всякий раз эмпирически, а держится на определенном понимании человеческой целостности как органической или механической, спонтанной или детерминированной извне, актуально бесконечной и неисчерпаемой, или конечной в силу объективных критериев вменяемости, относительно или исключительно объяснимой лишь через причинные схемы поведения.

Неизбежно возникает круг вопросов, связанных со схематизацией строения самой социальной регуляции как таковой. С точки зрения общественного значения и социального познания в целом, в его многостороннем культурном статусе, востребованность определенных моральных ценностей в определенных социальных ситуациях – это вопрос релевантности матриц понимания человека. Здесь на первый план выходит символический, лингвистический статус человека.

Человеческая регуляция не является элементарно сложной или абсолютно простой, в смысле непостижимости. Социальная структура – категория, расширяющая общенаучное понимание структуры средствами социологии. Применительно к социальной регуляции происходит сужение значимости, но не посредством возврата к «структуре», «регуляции» как таковым, а посредством вычитания всего, что не попадает в сферу процесса.

Структура – упрощающая метафора, создающая ориентиры в любой ситуации. Она относительно независима от способов определения ситуации, а ориентиры иногда оказываются ложными в объектном, но никогда – в деятельностном отношении. Если знак не имеет значения, он может тем не менее иметь смысл, живущий собственной жизнью, благодаря действиям и взаимодействиям людей. Такова социальная ситуация знака по Людвигу Витгенштейну. Теорема Уильяма Томаса о восприятии как критерии реальности ситуаций и ситуативная обусловленность значимости бессмысленных знаков в идеальном языке Людвиг Витгенштейна не только обнаруживают сходное понимание структуры, ее природы, но их сопоставление открывает более сильный ресурс моделирования процессов, происходящих в человеческих обществах.

Реализм ситуаций не самодостаточен, он подтверждается знаками, устанавливаемыми людьми. Действенность и подвижность внутренних склонностей индивидов становятся смыслообразующими факторами социальной реальности. Циклы социальной реальности – это устойчивые, разрастающиеся или сужающиеся круги перемены смыслов и символов.

Слово – самая реальная из реальностей, более чем плоть. Слово, вовлеченное в смысловые циклы общественной жизни, становится структурой. При этом нет никакого смысла в противопоставляющем сравнении движения и результатов в «строении» социальной структуры. Банальная метафизика процесса и результата рискует просмотреть неустранимую характеристику социальной реальности в ее смыслообразующем аспекте, а также в аспекте природы, где основание и становление неразрывно связаны.

Элементарными функциональными единицами, из которых возникает и строится структура социальной регуляции, являются: абсолютное – мир – слово – внутренняя склонность субъекта.

Инвариантными принципами их взаимосвязи выступают:

- 1) невозможность одновременного присутствия всех аспектов, параметров, взаимосвязей;

2) способность любого элемента доминировать, или быть первичным по отношению к ситуации в целом;

3) определяющая роль выбора в ключевых стадиях жизненного цикла системы или подсистем, когда свобода не может быть представлена в виде проекции ситуации;

4) конечность и непредсказуемость момента фактического проявления границ, т. е. наличие начала и конца общества, но невозможность их наблюдения, при условии сохранения смысла ситуации.

Ситуация – главный контекст структуры, ее содержание. Формальная сущность ситуации – это и есть структура социальной регуляции. Раскроем ее признаки через выделенные выше элементы и принципы анализа.

Абсолютная значимость формы не принадлежит ситуации как таковой, а относится к области абстрактных объектов, которые можно мыслить. Собственно говоря, это условие логичности происходящего, ибо помыслить нелогичное – значит выйти за пределы мышления вообще, а сделать абсолютно нелогичное – значит совершить поступок за рамками действительности. Абсолютная значимость форм социальной регуляции – необходимое условие сравнимости любых возможностей ситуаций. Внешняя данность формы принадлежит к области направлений и представлений – регуляция измеряет мир. Измеримость, безусловно, всегда относительная характеристика регуляции. Она составляет достаточное условие необратимости мира, которая проявляется через конечные осмысленные ситуации, даже если смысл представлен лишь на уровне вызовов, брошенных субъектам. Мир – противоположный полюс абсолютного бытия, ограничивающий субъекта, но эта граница не существует помимо символической репрезентации.

Слово – особый разряд и уровень знаков и символов. Здесь естественно явлен человек. Нет человека без слова, и нет слова без человека, но это формула выполнимости, а не долженствования. Реальные люди часто занимают статус бессловесных существ, довольно часто возникают безадресные обращения (не в силу внутренней противоречивости, бессмысленности и

невозможности быть посланием, но в силу отсутствия адресата, действительно способного воспринимать и реагировать на послание). Понимание органической связи слова и живого субъекта, носителя внутренней склонности, не укладывается в элементарные объяснения. Родовидовые, как и прочие детерминирующие статусы оказываются здесь не более, чем грубой механической аналогией, которая слишком громоздка, чтобы иметь эвристическую ценность, а связь слова и человека слишком подвижна, чтобы стабильно соответствовать фиксированным статусным порядкам. Безусловно, можно привести статусную модель в движение, раскрывая ролевые наборы и взаимодействия. Однако громоздкие модели станут от этого еще более громоздкими, но менее прочными построениями.

Не отрицая значимости фиксирования «экстремальных» вариантов взаимосвязи слова и человека, следует заметить, что принципом самодвижения этой связи (выражающимся, впрочем, в ряде нетривиальных и потенциально бесконечных применений) оказывается принцип взаимоотношения части и целого. Причем это отношение проявляет все качества диалектической (объектной) рефлексии. Слово – часть человеческого организма, человек – частная явленность (живая) слова. Итак, слово нельзя не только понять, но и мыслить как возможность понимания, не имея никакой картины субъекта, с поправками на жизнь и социум.

Категории абсолюта, мира, слова исторически «старше» категории субъекта, но субъект обладает логической исходностью. До тех пор, пока категория субъекта не то, чтобы проговорена или продумана, но пока она даже не обозначена – нет логики и нет истории. Субъект завершает историческую картину ситуации и прерывает время предыстории. Классическая формула Иммануила Канта отличается гениальной простотой – это основоположение, предсказывающее завершимость. При этом обозначена дивергенция этического формализма и прагматической антропологии (в свою очередь, восполняющей недостаточный синтезирующий потенциал эстетики и философии истории). Незавершимость программы Иммануила Канта еще предстоит осмыслить, но

этапы этого осмысления уже частично даны в истории постклассической и неклассической философской мысли. Применительно к моральной регуляции эта незавершимость обусловлена замкнутостью кантовского открытия субъекта на категорию «мир».

Безусловно, общая констатация незавершимости всякого действующего (живого, человеческого) мировоззрения здесь нетривиальным образом подтверждается. Общий результат гражданских, общественных и прочих споров по поводу человеческой субъективности можно представить в виде своеобразного апофатического итога. Субъект – это, абсолютно всегда, пересечение относительных несовпадений со всеми элементарными параметрами собственной ситуации. Социум всегда оказывается в ситуации выбора между природой и бытием и одновременно способом их переплетения. В ряде случаев посредник становится выше полюсов, которые он опосредует, а главный смысл посредничества критически представлен «точками» выбора, разрывами непрерывности (в противном случае тождественной смешению смыслов). Значения живут своей жизнью, но способы установления смыслов и направление осмысления выбираются субъективно. Внутренняя предпосылка выбора – отсутствие предопределенности, заранее готовых алгоритмов выживания и тупиков, уравнивающих смысл успеха со значением ситуации. Человек сам не знает, в каких еще условиях он сможет выжить, а потому выбирает. Смысл ситуации – это процесс ее направления к абсолютным ценностям, который может быть успешным или безуспешным, более или менее осознаваемым. Теизм предлагает модель резкой бытийной грани между миром и Богом. Границы социального очерчены моралью в той мере, в какой общества людей обладают устойчивыми структурами регуляции, требующей участия личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2000. – 879 с.